

УДК 81

ХОМСКИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОБЕЩАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ¹

З. А. Харитончик

Минский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье делается попытка анализа роли Ноама Хомского в истории лингвистики XX в. и критической оценки его лингвистического наследия с позиции новых горизонтов, открывшихся перед лингвистической наукой, с одной стороны, и полученных результатов – с другой. Рассмотрены многочисленные, часто противоречивые мнения его учеников, последователей и оппонентов.

Ключевые слова: генеративная грамматика, языковая компетенция, формализованное описание, мышление, синтаксис, семантика.

Abstract: the article attempts at viewing Noam Chomsky's role in the history of the 20th century linguistics and at critical evaluation of his linguistic legacy from the viewpoints of new horizons opened to linguistics, on one hand, and results obtained, on the other. The paper reviews numerous, often controversial opinions of his disciples, followers and opponents.

Key words: generative grammar, language competence, formal description, mind, syntax, semantics.

Начиная с аспирантуры, я, как и многие начинающие филологи моего поколения, была увлечена лингвистическими работами Ноама Хомского. Хотя мои собственные исследовательские интересы были сосредоточены в другой области, я пристально следила за развитием так называемой генеративной грамматики. Среди историков и политиков Ноам Хомский (Avram Noam Chomsky), вероятно, лучше всего известен как выдающийся американский интеллектуал либеральных взглядов, который «продолжая с юности традицию интеллектуального и активного участия в социальной жизни, постоянно поддерживал движения и организации, направляющие свои усилия на социальные изменения» [1, р. IX] (здесь и далее перевод наш. – З. Х.). С 1955 г., когда в возрасте 26 лет он стал преподавателем Массачусеттского технологического института, Н. Хомский много писал на различные политические темы, резко осуждая действия правительства США в Индокитае, в Цен-

тральной Америке, протестуя против интервенции в 1991 и 2003 гг. в Ираке, раскрывая имперские стратегии США и жестко критикуя либералов, интеллектуалов истеблишмента и средств массовой информации за их преднамеренное неведение, служащее прикрытием для американского империализма. За более чем пятьдесят лет в своих политических статьях Н. Хомский проявил себя как один из наиболее оригинальных, с широким диапазоном политических и общественный критик. Отмечая это, литературное обозрение газеты «Нью-Йорк Таймс» считает его глобальным феноменом, возможно, самым читаемым голосом по внешней политике США на планете.

Вероятно, значительно менее среди историков известен тот факт, что наряду с репутацией одного из наиболее выдающихся общественных интеллектуальных деятелей в мире в течение более полувека Ноам Хомский был доминирующей личностью в области лингвистики. Как указывает Нил Смит в предисловии к книге Н. Хомского «Новые горизонты в изучении языка и мышления»: «Его теория генеративной грамматики, известная под разными терминами, была руководством и вдохновляющей силой для многих лингвистов в разных уголках света и точкой отсчета практически для каждого языковеда. Можно не соглашаться с работами Хомского, но игнорировать их означает проявлять близорукость и не подобающее ученому невежество» [2, р. VI]. Равным образом было бы близорукостью не признавать широкое влияние

¹ Данная статья представляет собой переработанный вариант доклада «The Chomskyan Turn: its Promises and Effects», сделанного на X Форуме исследований США имени профессора А. Бартницкого в Белостокском государственном университете (Польша, 21–23 июня 2013 г.) и впервые опубликованного на английском языке в сборнике: Слово і речення : синтактика, семантика, прагматика : матеріали Міжнар. наук. конф. (Київ, 10–12 жовтня 2013 р.) / Київ, ун-т ім. Б. Грінченка. Київ, 2013. С. 63–73.

© Харитончик З. А., 2017

лингвистических исследований Н. Хомского на другие науки, особенно на философию, психологию, компьютерные науки, математику и др. «Наука начинается с вопросов», – утверждает Хомский. В фильме «Язык человека» Хомский приводит пример знаменитого английского физика Исаака Ньютона, который задался простым вопросом, почему вещи падают на землю, и это привело его к открытию закона всемирного тяготения. Аналогичным образом Хомский поставил перед учеными четыре фундаментальных вопроса о способности человека усваивать язык и пользоваться им:

«1. Что собой представляет система знаний? Что хранится в сознании/мозгу говорящего на английском, испанском или японском языке?»

2. Как возникает эта система знаний в сознании/мозгу?

3. Как это знание используется в речи (или вторичных системах, таких как письмо)?

4. Каковы физические механизмы, служащие материальной базой для этой системы знаний и для использования этого знания?» [3, р. 3].

По утверждению Хомского, данные вопросы являются классическими. «Начиная со времен Платона, они составляли основные проблемы философских и лингвистических штудий, направленных на изучение системы знаний, каким-то образом репрезентируемых в сознании, в конечном счете, в мозгу в виде какой-то физической конфигурации» [3, р. 3], и особенно интересовали рационалистов XVII и XVIII вв. Хомский признает их научное наследие, особенно Декарта (латинское имя которого Картезиус), назвав свое направление исследования языка картезианской лингвистикой.

Лингвистические труды Хомского оказали, на мой взгляд, большое влияние, совершив революцию во взглядах ученых, вследствие трех важных факторов: 1) постановки перед лингвистической наукой новых целей, кардинально отличающихся от тех, которые ставила лингвистика того времени, и потому по своей сути революционных; 2) ориентации на формализованное описание; 3) отказа от бихейвиоризма и поворота к когнитивным свойствам языка как дифференцирующей черты человеческого вида.

Хотя данные вопросы не получили еще такого оформления в первой книге Хомского «Синтаксические структуры», опубликованной в 1957 г., идеи, которые легли в основу их более поздней формулировки, уже просвечивают в данной книге в виде намеченных Хомским целей лингвистики. Ясно выраженным на самых первых страницах «Синтаксических структур» после убедительной критики Хомским предшествующих грамматик, таких как Теория элементов и их организация (Item-and-arrangement theory) и Грамматика фразовых структур (Phrase-structure

grammar), является его кардинальное утверждение, что «...лингвисты должны заниматься проблемой определения фундаментальных основополагающих характеристик успешных грамматик. Итогом этих исследований должна стать теория структуры языка, в которой описательные средства, используемые в частных грамматиках, представлены и абстрактно описаны без специфической соотнесенности с конкретными языками» [4, р. 192] и далее «Фундаментальная цель лингвистического анализа языка L заключается в отделении грамматически правильных последовательностей, в качестве которых выступают предложения L (например, *He slept peacefully in his bed all night* ‘Он спокойно спал в своей кровати всю ночь’), от неграмматических последовательностей, не являющихся предложениями L (типа знаменитого примера Хомского *Colourless green ideas sleep furiously* ‘Бесцветные зеленые идеи яростно спят’), и изучении структуры грамматических последовательностей». Несколькими строчками ниже Хомский пишет: «Грамматика L будет поэтому средством, порождающим все из грамматических последовательностей L и ни одной из неграмматических последовательностей» [3, р. 193]. При этом термин «грамматический» имеет значение «принимаемый носителем языка». Генеративная грамматика в интерпретации Хомского есть не что иное, как набор (система) абстрактных правил и принципов, настолько абстрактных, что говорящие на языке не осознают их, а сами правила могут быть даже врожденными, заложенными в их генах. Другими словами, генеративная грамматика, по мнению Хомского, предположительно должна объяснять способность слушателя-говорящего порождать и понимать бесконечное число высказываний, включая и новые, с помощью ограниченного числа грамматических правил и конечного набора грамматических средств языка. Питер А. М. Сойрен пишет: «Грамматика рассматривается как **теория языка**, поскольку она пытается реконструировать как можно ближе к его природе внутреннюю организацию и содержание того, что составляет знание языка его носителем» [5, р. 2].

Новым в этой концепции оказалось не только понимание языка. Новым был и взгляд Хомского на язык как механизм порождения бесконечного числа предложений. Новым было и утверждение, что говорящий использует конечное число грамматических средств языка, составляющих знание его/ее языка, называемое ученым языковой компетенцией, и, соответственно, видение лингвистики как науки, которая должна объяснить внутренний механизм языка и разработать формальное его описание, пригодное для использования в системах искусственного интеллекта. Эти взгляды, и особенно требование формализованного описания, вызванного к жизни потребностями

ми новых развивающихся технологий, были действительно новыми для современников Хомского. Нет сомнения в принципиальном их отличии от структурно ориентированной в то время американской лингвистики, которая видела свои задачи в сборе, описании и классификации языковых явлений.

Влияние «Синтаксических структур» Хомского было значительно усилено его уничтожающей критикой книги Б. Ф. Скиннера *Verbal Behaviour* (1957), в которой ее автор, психолог из Гарварда, попытался предложить на основе бихейвиористских принципов, в частности стимула и реакции, объяснение вербального поведения человека. Описательная система, предлагаемая Б. Ф. Скиннером, как было показано Хомским в его рецензии, опубликованной в журнале *Language* – главном журнале американских лингвистов, в 1959 г., была настолько обобщенной, сырой и непродуманной, что не содержала ответов на самые элементарные вопросы [6, р. 27]. Хомский поставил под сомнение главный тезис Б. Ф. Скиннера о составлении и порождении предложений как последовательности реакций под контролем внешних стимулов и внутрисловных ассоциаций. В противовес точке зрения Б. Ф. Скиннера Хомский видит в процессах порождения речи не просто нанизывание реакций и считает, что синтаксическая организация высказывания не есть нечто, напрямую и самым простым образом отвечающее за физическую структуру самого высказывания [там же]. Вместо этого он настаивает на том, что мы узнаем новые предложения, которые непрерывно порождаем «не потому, что это соответствует какой-то знакомой единице любым простым образом» (точка зрения Скиннера), но «потому что они (предложения) порождаются индивидуальной внутренней грамматикой, каким-то образом усвоенной каждым из нас» [там же, р. 28]. Как отмечает Н. Хомский, «ребенок, который учит язык, в некотором смысле сконструировал для себя грамматику на основе своих наблюдений над тем, что считается правильными и неправильными предложениями (т.е. на основании исправлений его ошибок другими людьми)... Что еще более удивительно, эта задача решается всеми детьми в поразительно короткое время и в значительной степени независимо от интеллекта» [там же, р. 29]. Эта разрушительная критика бихейвиоризма проложила путь исследованиям человеческой языковой способности и усвоения языка человеком, ставшими ключевыми моментами многочисленных научных дискуссий, и привела к развитию когнитивизма, отцом которого зачастую называют Н. Хомского.

Идеи Н. Хомского открыли перед лингвистами новые горизонты и поставили весьма амбициозные цели, радикально отличающиеся от целей традиционной лингвистики. Они были настолько притяга-

тельны, что сразу же были восприняты с энтузиазмом как выдающимися учеными того времени (см., например, [7]), так и, в особенности, начинающими лингвистами и исследователями в смежных областях науки. Многие из них оставили ранее выбранные научные направления и устремили свои усилия на генеративную грамматику. Показательный пример первичного воодушевления генеративной грамматикой и более позднего полнейшего в ней разочарования являет собой Уилиам Дж. Лайкан, который пишет: «...Более тридцати лет назад, когда я был студентом последнего курса в Амхерсте и работал над своим “красным” дипломом по новой в то время дисциплине “математическая лингвистика”, мой руководитель, Роберт Тредуелл, который написал диссертацию у Фредерика Фитча, всучил мне копию *Синтаксических структур*, и два дня спустя я оставил математику ради философии языка. Я связался с Хомским и попросил больше материалов. Он прислал копию на микроплёнке своего еще не опубликованного монстра 1955 года “*Логическая структура лингвистической теории*”» [8]. Джон Серль писал в 1972 г. в своем аналитическом труде, посвященном хомскианской революции в лингвистике: «Хомский не убеждал уже состоявшихся лидеров в области лингвистики, но он делал кое-что более важное – он убеждал их учеников. И он смог привлечь несколько пламенных последователей, а именно, Роберта Лиза и Пола Постала» [9].

Однако следовать пути, намеченному в «*Синтаксических структурах*», стало делом нелегким. Найти ответы на кажущиеся простыми вопросы, поставленные Н. Хомским, о сущности языка оказалось чрезвычайно трудно. Это в итоге привело к постановке таких весьма загадочных и неоднозначно решаемых проблем: язык как исключительно человеческая способность, его эволюция и устройство, проблема отношений мозга и тела. Хотя ученые еще не нашли убедительных ответов на эти вопросы, сам факт обращения на них внимания научного сообщества создал мощный интеллектуальный стимул, приведший к появлению целого ряда интереснейших работ лингвистов, психологов, нейрофизиологов, специалистов в компьютерной лингвистике и многих других ученых. В качестве примеров назовем: *The Language Instinct* (1994) С. Пинкера и его же *The Stuff of Thought* (2007), *The Articulate Mammal* (1976) Дж. Эйчисон, *The Symbolic Species* (1997) Т. Дикона, *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind* (1987) Дж. Лакоффа, *Metaphors We Live By* (1980, 2003) Дж. Лакоффа и М. Джонсона, *Semantics and Cognition* (1983), *Patterns in the Mind: Language and Human Nature* (1994), *The Architecture of the Language Faculty* (1997), *Foundations of Language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution* (2002) Р. Джэкендоффа и др.

Недостатки первоначальной программы и теории Хомского обусловили, с одной стороны, необходимость ее усовершенствования и, с другой, ее неприятие. Первым были вызваны к жизни доработки теории как самим Хомским, так и его многими учениками (см. работы С. Бейкера, П. Куликовера, Дж. Лакоффа, Р. Лакоффа, Дж. Макколи, Р. Джэкендоффа, П. Постала, Дж. Р. Росса, П. А. Соирена и др.) и последователями со всех континентов. Чтобы не обременять читателя, я не буду вдаваться в технические подробности и детали генеративной грамматики, особенно принимая во внимание тот факт, что ввиду кардинальных изменений, которые данная теория претерпела с годами, сегодня уже говорят о нескольких версиях генеративной грамматики:

Стандартная теория (Standard Theory – 1957) – первоначальная модель генеративной грамматики, в которой Хомский ввел основополагающие понятия глубинной и поверхностной грамматических структур и трансформаций, которые должны обеспечивать переход от глубинных к поверхностным структурам.

Расширенная стандартная теория (Extended Standard Theory – 1970), в которой к ранее принятым составляющим грамматики (фонетическому компоненту, трансформационному компоненту и прежде всего синтаксису) добавляется семантический компонент.

Теория управления и связывания (The Government and Binding Theory – 1981), в которой есть место лишь для одной универсальной трансформации *move α* ‘перемещение α ’ и ряду специфических модулей (Икс-бар синтаксис, теория связывания, теория управления, теория падежей, тета-теория). Каждый из них имеет свои собственные принципы и параметры, которые предопределяют на выходе специфический для каждого языка результат.

Минималистская программа (The Minimalist Program – 1992), в которой наряду с базовыми компонентами, а именно – лексиконом и вычислительной системой – есть два интерфейса: фонетический и логический.

Теория неоформленных фраз (Bare Phrase Structure – 1994).

Пофазовая деривация (Derivation By Phase – 2001).

Аппарат описания, равно как и многие научные постулаты, оказались неузнаваемыми, понятия глубинной и поверхностной структур, годами упорно продвигаемые генеративными грамматистами и Хомским, были упразднены усилиями его бывших аспирантов Посталом, Россом и Макколи, набор трансформаций был заменен на общую операцию *перемещения*, вся структура генеративной грамматики приобрела совершенно иные очертания.

С другой стороны, с самого начала идеи Хомского встретили искреннее отторжение, резко негативную оценку и серьезную критику со стороны его оппонентов в США и других странах, включая европейские. Основные линии критики сконцентрировались вокруг нескольких фундаментальных моментов генеративной грамматики. Наиболее убедительным, вероятно, был аргумент о семантическом компоненте, который, по всеобщему признанию, является наиболее уязвимым местом теории Хомского. Американские лингвисты 50-х гг. мало уделяли внимания изучению значения в целом и значений предложений, в частности, поскольку вслед за Л. Блумфилдом считали значение с его слишком неуловимым и загадочным ментальным содержанием предметом изучения других наук: психологии, биологии и пр. Как отмечает Серль, «изучение значений предложений или целей использования предложений говорящими почти не имело место в этих начинаниях. Значения, конструируемые учеными, сводились к моделям поведения, определяемым стимулом и реакцией; они были, собственно говоря, объектом изучения психологов» [9]. Благодаря своему структуралистски ориентированному образованию в Университете Пенсильвании, Хомский следовал традиции, уделяя внимание прежде всего синтаксису, оставляя семантику за бортом лингвистического описания. Однако язык человека с его главной функцией – быть репрезентацией мысли, делать ее ясной как для самого себя, так и для передачи другим, – не мыслим без значения. Поэтому синтаксис и семантика не могут быть разделены. Соответственно, Хомский под влиянием лучших своих учеников был вынужден ввести в Расширенную стандартную теорию семантический компонент, предназначенный для того, чтобы дать семантическую интерпретацию порожденным предложениям. Этот шаг привел к возникновению целого ряда интерпретационных или генеративных семантик и стал, в то же время, «революцией внутри революции» [там же], или началом так называемых лингвистических войн между лингвистами восточного (Н. Хомский, Дж. Катц, Р. Джэкендофф как наиболее яркие представители) и западного побережья (с Ч. Филмором и Дж. Лакоффом в качестве лидеров). Генеративные семантики считают, что генеративным и тем самым ядерным компонентом лингвистической теории является не синтаксис, а семантика.

Исследования сторонников генеративной грамматики выявили другую слабую сторону грамматики Хомского. Генеративная грамматика призвана производить правильные предложения, приемлемые носителями языка. Генеративисты потратили массу времени на описание правил и репрезентаций, которые могут порождать бесконечное множество предложений языка и предсказывать их грамматичность, т.е.

формально определять приемлемость выражений на естественном языке и отфильтровывать неприемлемые. Правило – это своего рода алгоритм, «общий принцип регулирования отношений между предложениями» [10, р. 209]. Однако, как сразу же было продемонстрировано Дж. Россом, одним из учеников Хомского, эти правила были слабыми и нечеткими: «...Принцип был и слишком слаб, и слишком силен: слишком слаб, поскольку были случаи неприемлемых предложений, которые он не мог блокировать; слишком силен, поскольку... он ошибочно блокировал совершенно приемлемые примеры» [там же, р. 211–212].

Тесно связано с данной критикой и обвинение грамматики Хомского в империализме европейских языков, можно даже сказать империализме английского языка. Языковые данные, служившие в качестве материала для проверки генеративистами их теорий и гипотез, были преимущественно данными из английского языка. Как только генеративисты вышли за его рамки, оказалось, что правила, которые должны были быть универсальными и «работали» более или менее хорошо для английского, не могли учитывать специфические черты других языков, например, польского, русского, нутка, китайского и в общем тысяч языков мира, каждый из которых, разделяя некоторые наиболее общие универсальные принципы, имеет уникальные черты в фонологии, морфологии, синтаксисе и пр. Как только некоторые из этих языков, например арабский, становились источником материала для генеративных построений, это приводило к появлению таких понятий, как автосегментный синтаксис, уровневая фонология, и других, не менее интересных нововведений.

Главным последствием наиболее абстрактного характера генеративной грамматики была ее направленность как лингвистической теории «на идеальные отношения говорящего и слушающего, на совершенно однородный языковой социум, в котором все хорошо знают язык и не отягощены такими грамматически нерелевантными параметрами, как ограничения объема памяти, смена фокуса внимания и интереса и ошибки (спорадические или постоянные) при применении своих знаний о языке в реальном функционировании» [6, р. 33]. Однако, как отмечал Джон Серль, известный во всем мире логик и исследователь речевых актов, «Хомский и другие грамматисты могут репрезентировать многое, хотя и не все, из знаний говорящего о внутренней структуре предложений с помощью правил т.н. “фразовой структуры”» [9]. Далее он пишет: «Хомский характеризует лингвистическую компетенцию говорящего как его способность производить и понимать предложения. Но это в лучшем случае уводит в сторону: знание человеком значения предложений состоит в большей части из

его знания о том, как использовать предложения, чтобы высказывать мысли, задавать вопросы, делать указания, запрашивать информацию, обещать, предупреждать и пр. и понимать других людей, когда они используют предложения для этих целей. Семантическая компетенция – это в большой степени способность производить и понимать то, что философы и лингвисты называют речевыми актами» [9]. Принимая во внимание наши постоянно меняющиеся намерения произвести определенный эффект на слушателей и множественные ошибки, которые мы делаем при производстве и понимании предложений, можем с легкостью сделать вывод, что представления Хомского о нашей языковой компетенции и использовании языка, как отмечают критики Хомского, достаточно ошибочны.

Среди ученых не было единодушия и относительно концепции Хомского о природе человеческого разума. Взгляд этого ученого на язык как уникальную человеческую способность влечет за собой вопрос о том, как развивалась у человека эта способность. Ответ Хомского состоял в том, что универсальная грамматика, которой пользуется ребенок, является частью его генетического наследия, другими словами, язык является врожденной способностью. Это заявление посеяло раздор среди психологов (среди которых наиболее слышны были голоса Жана Пиаже, Элизабет Бейтс и Майкла Томаселло, ведущих специалистов в психологии усвоения языка) и нейрофизиологов. Они яростно воспротивились теории врожденности языка и в противовес ей объясняют появление языка рядом общих характеристик мозга, а усвоение языка ребенком – с помощью общих механизмов обработки информации мозгом, взаимодействующих с разнообразным и сложным социальным окружением, в котором язык усваивается и используется.

Среди других недостатков генеративной грамматики Хомского было то обстоятельство, что она, основываясь в значительной степени на логических и философских аспектах теории языка и развивая их, в то же время приводила к тривиальным практическим выводам и наблюдениям, в целом к ничтожным реальным результатам. Таким образом, обещания, данные в начале, остались невыполненными.

Хомского также критиковали по этическим соображениям (см., например, [10] в собрании статей «The Anti-Chomsky reader» под редакцией Питера Колье и Дэвида Горовитца [11]). Ему приписывают «глубокое неуважение и презрение к истине, эпохальное пренебрежение принципами научного поиска, неудержимое стремление к славе, выдающуюся способность к провалам связности и привычку оскорблять всех, кто с ним не согласен» [10, р. 204], ошибки, преднамеренное введение в заблуждение и подлог, принижение

достижений других ученых и использование идей других лингвистов без отсылок, притворство и блеф.

Мне не хотелось бы давать здесь какие-либо свои оценки. Вместо этого, завершая статью, я бы хотела подчеркнуть, что Н. Хомский сместил фокус научных интересов на рассмотрение одного из наиболее важных вопросов гуманитарной науки «Что есть язык для человека? Что делает нас особенным видом животных? Как работает наш мозг?». Если оценивать его научные достижения в этом свете, то я полностью согласна с Джоном Серлем, который сказал, завершая анализ работ Н. Хомского, следующее: «В конечном итоге, я думаю, что его самым большим вкладом будет считаться сделанный им большой шаг вперед в направлении восстановления традиционных представлений о величии и уникальности человека» [9]. С этой позиции лингвистические взгляды Ноама Хомского представляют собой увлекательную картину переходного периода в истории науки, занимающей значительную часть в истории общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arnove A.* Foreword to *Chomsky N. The Essential Chomsky*. Ed. by Anthony Arnove. – N. Y. : The New Press, 2008. – P. I–IX.
2. *Smith N.* Foreword to Noam Chomsky's "New Horizons in the Study of Language and Mind" / N. Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.
3. *Chomsky N.* Language and Problems of Knowledge. The Managua Lectures / N. Chomsky. – N. Y. : The MIT Press, 1988. – 205 p.
4. *Chomsky N.* Syntactic Structures / N. Chomsky // Readings in the Theory of Grammar. From the 17th to the 20th Century / by D. D. Bornstein. – Cambridge (Massachusetts) : Winthrop Publishers, Inc. 1976. – P. 192–207.
5. *Seuren P.* Introduction / P. Seuren (ed.) *Semantic Syntax*. – Oxford, 1974. – P. 1–27.
6. *Chomsky N.* The Essential Chomsky / N. Chomsky / ed. by Anthony Arnove. – N. Y. : The New Press, 2008. – 516 p.
7. *Lyons J.* Noam Chomsky / J. Lyons. – N. Y. : Viking Press. – 143 p.
8. *Lycan W. G.* Chomsky on the Mind-Body Problem / W. G. Lycan // *Chomsky and his Critics* / ed. by L. M. Antony. – Malden MA : Blackwell Publishing, 2003.
9. *Searle J. R.* A Special Supplement: Chomsky's Revolution in Linguistics / J. R. Searle / June 29, 1972. – Mode of access: <http://www.nybooks.com/articles/archives/1972/jun/29/a-special-supplement-chomskys-revolution-in-lingui/?pagination=false>
10. *Levine R. D.* A Corrupted Linguistics / R. D. Levine, P. M. Postal // *The Anti-Chomsky Reader* / ed.: P. Collier, D. Horowitz. – San Francisco : Encounter Books, 2004. – P. 203–231.
11. *The Anti-Chomsky reader* / P. Collier ; David Horowitz (eds). – San Francisco : Encounter Books, 2004. – 260 p.

Минский государственный лингвистический университет

Харитончик З. А., доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры общего языкознания
E-mail: dgl@mslu.by
Тел.: +375-17-288-25-64

Minsk State Linguistic University
Kharitonchik Z. A., Doctor of Philology, Professor,
Professor of the General Linguistics Department
E-mail: dgl@mslu.by
Tel.: +375-17-288-25-64